

Р. Ю. Почекаев

**ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Проанализированы сведения российских и западных путешественников, побывавших в Центральной Азии в XVIII – начале XX в., о государственности и праве различных стран и народов этого региона. Целью статьи является обоснование ценности записок путешественников как источника по истории государства и права Центральной Азии в рассматриваемый период. Записки позволяют изучить реально существовавшие отношения в сфере государственного управления и правового регулирования. Методологию исследования составляют историко-правовой и формально-юридический подходы, контент-анализ, сравнительный анализ, биографический метод. Эффективность изучения данного вида источников обеспечивает междисциплинарный подход. Автор приходит к выводу, что записки путешественников являются весьма ценным источником, существенно расширяющим и дополняющим современные знания и представления о государстве и праве Центральной Азии. Однако при использовании этих сведений следует учитывать личности авторов, их национальную и профессиональную принадлежность, а также проверять их информацию путем сравнения с другими источниками.

The article focuses on the analysis of information of the Russian and Western travelers to Central Asia in the 18th – beginning of the 20th centuries on state and law of that region. The goal is a substantiation of the travelers' notes value as historical evidence of state and law of the Central Asia which allows to study actual relations in administration and legal regulation. The author applies some basic research methods: historical legal, formal legal and comparative legal approaches, content analysis, biographical method; the effectiveness of study of this type of sources is provided by using interdisciplinary approach. The author finds that travelers' notes to be sources of considerable value which substantially widens our knowledge about the state and law of Central Asia. At the same time travelers' notes presume the personalities of authors, their national and professional affiliation therefore their information must be verified by comparing with other sources.

Ключевые слова: источники по истории государства и права, Центральная Азия, Российская империя, записки путешественников, традиционное государство и право, «Большая игра».

Keywords: sources on history of state and law, Central Asia, Russian Empire, travelers notes, traditional state and law, "Great Game".

В процессе исследований истории государства и права мы нередко сталкиваемся с проблемой недостатка источников, и в результате наши представления о государственном и правовом развитии отдельных

стран и регионов мира являются довольно схематичными и односторонними. Яркий пример тому — история государства и права Центральной Азии, несмотря на давнюю и богатую историю и культуру этого региона и, казалось бы, большое количество источников по истории его политико-правового развития.

В самом деле, изучение государства и права Центральной Азии и ее отдельных стран имеет давние традиции, однако и до сих пор по ряду причин целостного представления об эволюции государственности и права этого региона не сформировано. Во-первых, исследователи, как правило концентрировались на изучении отдельных аспектов, которые представлялись им наиболее актуальными в тот или иной период. Наиболее изучены сферы земельно-правовых и семейно-правовых отношений, в меньшей степени — уголовного права и суда. Для дореволюционных исследователей-чиновников их знание было важным в целях интеграции присоединенных территорий Центральной Азии в российское имперское политико-правовое пространство [1–3]. В советский же и постсоветский период эти сферы правоотношений в большей степени представляли интерес даже не для правоведов, а для историков и этнографов, которые изучали их уже как источники по истории и культуре, но не как правовые памятники [4–7].

Также зачастую односторонним остается подход к корпусу источников, которые в большинстве своем используют исследователи государства и права Центральной Азии. Они опираются преимущественно на «местные» источники — правовые акты, другие официальные документы, исторические сочинения, составленные современниками изучаемого периода и т.д. Составители правовых и иных документов являлись носителями мусульманской государственной и правовой идеологии, ее же придерживались и среднеазиатские историки. Соответственно, у исследователей, принимающих во внимание такие источники, формируется стереотип о том, что государственность и право стран и народов Центральной Азии базировались преимущественно (если не исключительно) на мусульманских политико-правовых принципах [8–10].

Однако, несмотря на весьма прочные многовековые традиции ислама в Центральной Азии, нельзя столь категорично утверждать, что политические и правовые отношения в регионе регулировались исключительно с помощью мусульманских принципов и норм. Местное население, приняв ислам, сохранило некоторые прежние правовые традиции, а в XIII–XVI вв. Центральная Азия неоднократно подвергалась нашествию тюрко-монгольских племен, которые в конечном счете под именем узбеков установили власть над большей частью региона. Они привнесли в местные политические и правовые отношения большое число новых принципов и норм — и обычаи евразийских кочевников, и элементы законодательства Монгольской империи, созданной Чингиз-ханом и его преемниками. Естественно, это обстоятельство не получило широкого освещения в источниках местного происхождения: официальные документы составлялись мусульманскими правоведом и богословами, а авторы центральноазиатских мемуаров и историче-

ских сочинений в большинстве случаев были придворными сановниками и потому старались всячески подчеркнуть приверженность монархов и правящей элиты к мусульманским канонам.

Получить более объективную картину позволяют свидетельства «независимых свидетелей», а таковыми выступали иностранные путешественники (подчеркнем — выходцы из немусульманских стран), лично побывавшие в государствах Центральной Азии и отразившие свои наблюдения в записках. Наибольший интерес для нас в рамках данного исследования представляет период XVIII — начала XX в., когда Россия и ведущие европейские державы начинают активную борьбу за контроль над различными азиатскими регионами. Наиболее длительным и жестким противостоянием была так называемая «Большая игра» — соперничество Российской и Британской империй именно за Центральную Азию (1856—1907). Политические события обусловили и активизацию изучения центральноазиатского региона, в результате чего поездки российских и западных (английских, французских, немецких, американских и даже скандинавских) путешественников были уже не единичными и эпизодическими, как в предыдущие века, а приобрели поистине массовый характер.

Соответственно, многие из путешественников по итогам своих поездок оставили записки, которые и представляют большой интерес для исследователей. Эти документы уже давно используются специалистами — правда, в большей степени как источник по политической или экономической истории разных стран и народов Центральной Азии, ее исторической географии, этнографии и т.д. Между тем записки путешественников по Центральной Азии являются важнейшим и ценнейшим источником сведений о политико-правовом развитии этого региона в XVIII — начале XX в. по нескольким причинам.

Во-первых, в отличие от своих центральноазиатских современников, российские и европейские авторы не имели оснований идеализировать ситуацию с применением мусульманского права, поэтому в их записках нашло отражение применение как мусульманских политических и правовых институтов, так и обычно-правовых, и элементов монгольской имперской («чингизидской») государственности и права. Кроме того, посещая разные регионы, путешественники имели возможность наблюдать определенные различия в системе государственного управления и правового регулирования у разных народов, находившихся в подданстве даже одного и того же государства.

Во-вторых, путешественники не ставили целью изучение норм писаного права, а описывали те политические и правовые институты или действия, очевидцами (а нередко и непосредственными участниками) которых являлись. Соответственно, их записки позволяют сформировать представление не об идеализированном государственном устройстве или правовой системе (что неизбежно происходит при работе исключительно с формальными юридическими источниками), а о реалиях — тех политических и правовых принципах и нормах, которые были актуальны для рассматриваемого периода и применялись на практике.

Достаточно широкий хронологический охват (XVIII – начало XX в.) позволяет также проследить на основе анализа записок путешественников эволюцию отдельных политических и правовых институтов на разных этапах истории центральноазиатских государств с учетом различных внутренних и внешних факторов, в том числе и известных нам на основе других источников.

В-третьих, нельзя забывать о том, что российские и европейские (а также отдельные американские) путешественники являлись представителями западной культуры и далеко не все из них имели необходимую востоковедную подготовку. С одной стороны, это обстоятельство, казалось бы, говорит не в пользу их записок как ценного источника, поскольку незнание специфики центрально-азиатской (и вообще восточной традиционной) государственности и права, несомненно, приводило к ошибкам в описании тех или иных государственных и правовых институтов. Однако, с другой стороны, именно оно делает записки путешественников доступным и понятным источником для исследователей традиционной центральноазиатской государственности и права: эти авторы описывают свои наблюдения в данной сфере с помощью привычных им (а следовательно, и нам) категорий, терминов и понятий, некоторые даже предпринимают попытки систематизировать правовые отношения по сферам и отраслям, чего, конечно же, не делали сами представители центральноазиатских обществ в силу особенностей своего политического и правового сознания.

В ряде случаев записки российских и западных путешественников остаются едва ли не единственными источниками по истории государства и права ряда стран и регионов Центральной Азии в XIX в. Среди них – Ташкент, длительное время являвшийся центром самостоятельного «владения», небольшие княжества Дарваз и Каратегин в так называемой Горной Бухаре, княжества Вахан, Рушан и Шугнан на Западном Памире (Западный Памир) и, наконец, «государство ходжей» и государство Якуб-бека в Восточном Туркестане (современный Синьцзян).

В рассматриваемый нами период в Центральной Азии побывали сотни путешественников – представители разных стран и с разными целями. Наибольшее число путешественников составляют подданные Российской и Британской империй: именно эти державы вели «Большую игру» (1856–1907). Также в регионе побывало немало выходцев из Франции, Германии, США, отдельные представители Италии, Скандинавии (Дании и Швеции). Нельзя не отметить, что собирательный термин «путешественники» используется нами в рамках данного исследования в значительной степени условно. Среди посетивших Центральную Азию были представители самых разных профессий, да и цели поездок у них также были весьма разнообразны.

Значительную часть записок составляют отчеты, дневники и воспоминания дипломатов, посещавших Центральную Азию с официальными миссиями. В их записках содержатся сведения о системе управления в том или ином государстве, особенностях статуса правителей и их отношений с властной элитой соответствующего ханства. Также весьма

интересными представляются сообщения дипломатов о национальных и религиозных меньшинствах, их правовом статусе и т.п.: эти группы населения, нередко притесняемые властями и большинством населения, могли стать пророссийской «пятой колонной» в случае усиления влияния Российской империи в регионе.

Сохранилось немало отчетов военных разведчиков, которые, безусловно, содержали в первую очередь, специфические сведения о коммуникациях, климатических и экономических условиях стран и регионов Центральной Азии (в рамках изучения возможности прохода и обеспечения войск в случае необходимости). Однако и у них встречаются небезыңтересные сведения, касающиеся системы управления (чаще всего – на региональном уровне), системы налогов, сборов и повинностей и т.д. Некоторые авторы достаточно органично включали такую информацию в свои официальные отчеты, другие же выходили за рамки поставленных задач в силу собственных научных интересов – неслучайно в современной историографии широко изучается феномен «военного востоковедения» второй половины XIX – начала XX в.

Также немало ценной информации содержится в работах ученых – географов, биологов, геологов и др., с разными научными целями посещавших регион. Как и у разведчиков, их записки чаще всего посвящены непосредственному предмету исследований, но и в них встречаются ценные наблюдения, касающиеся государственных и правовых отношений в Центральной Азии – чаще всего тех, участниками которых (по собственной воле или по принуждению) приходилось становиться самим ученым.

В Центральной Азии в рассматриваемый период побывало большое число российских и западных торговцев, хотя, конечно, записки (особенно содержащие сведения о государстве и праве региона) оставили весьма немногие из них. Эту категорию путешественников в первую очередь интересовали регулирование торговли, таможенная политика, система договорных отношений, разрешение торговых споров и т.п., так что их сведения довольно специфичны и, соответственно, отличаются большой ценностью. Кроме того, в отличие от других путешественников, они имели весьма широкий круг общения – от представителей правящей элиты и до мелких торговцев, ремесленников и даже рабов, что также влияло на содержание их информации.

В период, когда Россия присоединила часть Центральной Азии к своим владениям (Русский Туркестан), а над другими (Бухарой, Хивой и Кокандом) установила свой протекторат, в регионе стали появляться журналисты и даже «туристы», путешествовавшие с развлекательными целями (ознакомление с достопримечательностями, охота, спорт и т.д.). Однако и те, и другие, не ставя перед собой практических задач по изучению региона и составлению официальных отчетов, чаще всего ограничивались лапидарными сведениями, отличающимися субъективностью и вниманием к тому, что сами авторы считали экзотическими явлениями. Тем не менее и в их записках порой обнаруживаются ценные сведения, касающиеся системы управления и регулирования правоотношений в регионе.

Наконец, еще одну категорию путешественников составляют лица, оказавшиеся в центральноазиатских государствах не по своей воле — пленники, захваченные при набегах кочевников и проданные в рабство в Бухару, Хиву или Коканд, либо во время ведения боевых действий российских войск с местными правителями; некоторые из них сами оставили воспоминания о пребывании в плену после освобождения, другие устно сообщали о своих приключениях и наблюдениях авторам, впоследствии опубликовавшим эти сообщения. В силу особенностей своего положения они хорошо знали особенности правового статуса низших слоев населения центральноазиатских стран, возможности «социальной мобильности», систему сборов и повинностей с подданных местных правителей и т.д.

Впрочем, нередко бывает затруднительно классифицировать тех или иных путешественников как по национальной, так и по профессиональной принадлежности.

Так, многие российские дипломаты и ученые, записки которых представляют значительную ценность, были по происхождению немцами (К. Миллер, Е. И. Бланкеннагель, Э. А. Эверсман, Е. К. Мейендорф, А. А. Леман и др.), французами (П. Демезон), итальянцами (Ф. Беневени), греками (А. Негри) и т.д., причем они далеко не всегда принимали подданство России, а ограничивались выполнением тех или иных поручений имперских властей. Аналогичным образом мы можем видеть, что к числу британских путешественников принадлежали не только урожденные англосаксы, но и представители других народов империи (в частности, индеец Мир Иззетулла, посетивший Среднюю Азию в начале XIX в., или индус Мохан Лал, сопровождавший А. Бернса в его экспедиции в Бухару в начале 1830-х гг. и также составивший записки по итогам этого путешествия).

Еще более запутанной представляется классификация по критерию профессиональной принадлежности. Казалось бы, можно достаточно четко определить положение того или иного путешественника по его роду занятий или по целям миссии — однако нередко эти показатели не совпадали!

Так, значительную часть руководителей и участников дипломатических миссий (как российских, так и британских) составляли военные, выполнявшие, таким образом, как официальные дипломатические, так и тайные разведочные задачи. То же самое можно сказать и об ученых. Во-первых, мы уже отмечали выше феномен «военных востоковедов», то есть военнослужащих, выполнявших также и научные задачи; «штатские» же ученые, в свою очередь, могли быть как участниками дипломатических миссий, так и разведчиками. Исследователи вполне обоснованно отмечают, что порой было очень сложно определить экспедиции в Центральной Азии как чисто «гражданские» или «военные»: и в тех, и в других, как правило, присутствовали военный эскорт и военные советники, а научные цели изучения региона (в том числе его климатических условий, природы, полезных ископаемых и пр.) имели большое значение не только для научного сообщества, но и для военных властей Туркестанского края [11, р. 50].

Среди торговцев также нередко были представители военного ведомства, посещавшие страны Центральной Азии «под прикрытием», то есть, опять же, с разведочными целями. Наверное, самым известным примером такой миссии является поездка известного российского ученого — казахского султана Ч. Ч. Валиханова в 1858—1859 гг. [12, с. 63—72]. Порой даже журналистов или туристов подозревали в том, что они на самом деле шпионы; так, англичанин Р. Кобболд, решивший поохотиться на Западном Памире, был задержан бдительными местными жителями и передан под наблюдение российской администрации [13, р. 187—190].

Но, наверное, наиболее ярким примером запутанности статуса путешественника является фигура А. Вамбери, посетившего Центральную Азию в 1863 г. Подданный Австро-Венгрии, иудей по вероисповеданию, ученый-востоковед по профессиональной принадлежности, он побывал в регионе, выдавая себя за турецкого паломника. И буквально несколько лет назад были обнародованы документы, подтверждавшие, что его поездка была организована британской спецслужбой!

Таким образом, повторимся, классифицировать путешественников может оказаться весьма затруднительным, между тем, это представляется важным, поскольку от его национальной и ведомственной принадлежности может зависеть степень достоверности его записок.

Так, казалось бы, есть все основания считать записки дипломатов наиболее достоверными источниками: ведь власти, направлявшие их в миссии, ждали от них наиболее полной и объективной информации. Однако в отличие от официальных отчетов дневники и в особенности мемуары дипломатов зачастую публиковались не сразу по итогам миссий: авторы либо по поручению начальства, либо по собственной воле редактировали их, сокращая или убирая одни сюжеты и, напротив, уделяя больше внимания другим.

Так, переводчик Оренбургской пограничной комиссии И. Батыршин, ведший дневник во время похода российских войск на Ак-Мечеть в 1853 г. (он включает много ценной информации о государственности и праве Кокандского ханства и подвластных ему кочевников), после похода передал записки своему начальнику — оренбургскому генерал-губернатору В. А. Перовскому, отличавшемуся мнительностью и недоверчивостью, который внес в него значительные правки [14, с. 285—286].

Полковник Н. П. Игнатьев, совершивший в 1858 г. дипломатическую поездку в Бухару и Хиву, опубликовал воспоминания о ней лишь в 1897 г. Следует отметить, что к этому времени Игнатьев уже успел побывать главой нескольких дипломатических миссий (первую, в Хиву и Бухару, он возглавил в возрасте 26 лет) директором Азиатского департамента МИД, послом в Турции, министром государственных имуществ и внутренних дел и в 1882 г. в возрасте 50 лет был отправлен в отставку, что фактически поставило крест на его политической и государственной карьере. Соответственно, целью написания его мемуаров стала попытка показать свое значение в российской внешней политике, чтобы показать властям, от услуг какого ценного деятеля они отказа-

лись. Пользуясь тем, что ко времени написания мемуаров большинство участников событий уже скончались, Игнатъев, не рискуя быть уличенным, в своих работах всячески подчеркивал свою ведущую роль в тех событиях, о которых писал, приписывая себе все успехи, а в неудачах винил других [15].

Еще одним примером являются мемуары Н. В. Чарыкова – первого русского политического агента в Бухарском эмирате. Писал он их уже под конец жизни, вынужденный бежать из России и поселиться в Константинополе, он также всячески старался подчеркнуть свою ведущую роль во внешней политике России, в том числе и в проведении правовых реформ в Бухарском эмирате во время пребывания там в 1886–1890 гг. [16, с. 129–155]. Так что, как представляется, при использовании сведений мемуаров следует принимать во внимание цель их написания и критически оценивать и сведения авторов о контактах с теми или иными центральноазиатскими властями, и результаты этих контактов.

Труды ученых также могут считаться в значительной степени достоверным источником, однако и среди них также есть работы, ценность которых можно поставить под вопрос. Дело в том, что многие ученые нередко в своих работах использовали материалы предшественников – иногда официально ссылаясь на них, иногда, по сути, занимаясь плагиатом. Так, даже вышеупомянутый А. Вамбери, лично побывавший в разных странах Центральной Азии и имевший возможность наблюдать разные стороны государственной и правовой жизни местного общества, тем не менее при описании некоторых реалий использует сведения своего российского коллеги Н. В. Ханькова, побывавшего в Бухарском ханстве в 1842 г., то есть за 21 год до самого Вамбери. А учитывая, что и сам Ханьков, в свою очередь, опирался при описании некоторых аспектов на сведения Е. К. Мейендорфа, побывавшего в Бухаре в 1820 г., получается, что Вамбери, претендуя на описание современных ему реалий, фактически мог выдавать за них наблюдения своих предшественников более чем сорокалетней давности [20, с. 149, 209–210, 272; 21, с. 398]! Подобные моменты нельзя не принимать во внимание, если целью использования записок путешественников является формирование представления об эволюции государственности и права Центральной Азии.

Следующий вид источников по истории государства и права Центральной Азии – свидетельства пленников, длительное время бывавших в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах, у туркмен и т.д. По поводу ряда сочинений подобного рода у исследователей нет сомнений в их достоверности – например, в отношении «Странствия» Ф. Ефремова, хотя отмечается его «на редкость авантюрный сюжет» [19]. Гораздо больше сомнений в достоверности вызывают сведения русских пленников, переданные другими авторами. Современные исследователи не без оснований усматривают в «рассказах пленников», опубликованных В. И. Далем (в частности, от лица Ф. Грушина и Я. Зиновьева), следование некоей единой схеме: пленение туркменами, продажа в Хиву, попадание в услужение к хану, несколько неудачных по-

бегов и в конечном счете удачный; при этом обнаруживаются параллели и с произведениями, однозначно относящимися к художественной литературе, в которых присутствует тот же сюжет. При этом исследователи не отрицают, что подобные рассказы, имея под собой реальную основу, могли не являться отражением реальных событий сами по себе [17, с. 11]. Также следует принять во внимание появление значительного числа таких сюжетов в 1830–1870-е гг., то есть в тот период, когда Россия активизировала действия по продвижению в Центральную Азию: освобождение русских пленников, томившихся в рабстве в среднеазиатских ханствах являлось одной из основных целей российских властей сначала в дипломатических переговорах, а затем и в военных действиях против Бухары, Хивы и Коканда.

Обращаясь к западным (в первую очередь, английским) работам, следует иметь в виду, что в XVIII в. в Британской империи начинается складывающаяся идеологическое течение, впоследствии известное в историографии под названием «ориентализм». Оно характеризовалось покровительственным отношением к народам Востока, включая их политико-правовые ценности. Это в полной мере отразилось на характеристике английскими путешественниками государственных и правовых институтов стран Центральной Азии: в ней преобладают эмоциональные оценки, подчеркивается деспотизм восточных монархий, отсталость местного права, проводится идея необходимости установления над ними британской власти — для приобщения центральноазиатских обществ к «благам» европейской цивилизации. И большинство конкретных примеров деятельности властных структур или применения принципов и норм права являют собой в английских работах либо забавные казусы, свидетельствующие о консерватизме в Центральной Азии, либо примеры особой жестокости, несвойственной «просвещенным обществам» Европы. Яркими примерами подобного отношения являются работы А. Бернса, А. Вамбери, Д. Н. Керзона и др. [20; 22; 23].

Кроме того, нельзя не учитывать и соперничество России и Англии за контроль над Центральной Азией в рамках упоминавшейся выше «Большой игры». Как следствие, английские (как и другие европейские и американские) путешественники крайне негативно относятся к российской политике преобразований в подконтрольных ей государствах и регионах Центральной Азии, обвиняя Россию в полном подчинении Бухары и Хивы, номинально продолжавших считаться независимыми, вытеснении местных традиций управления и права и пр. Наглядным примером тому служат записки лорда Керзона.

Высказываются критические замечания и в отношении записок российских путешественников. В частности, ряд исследователей достаточно критически относится к трудам военного чиновника, ученого и публициста Д. Н. Логофета, который в 1909–1911 гг. издал целую серию книг и статей, в которых подверг резкой критике непоследовательную политику российских властей в Бухарском эмирате, в результате которой это государство стало еще более сильным и централизованным, чем было до установления российского протектората [24; 25,

с. 59–60]. Сомнение базируется на том факте, что Логофет критиковал политику российского МИДа, находившегося в этот период в явном противостоянии с Военным министерством (к которому относился и сам Логофет) по вопросам политики в Бухаре [18].

Таким образом, записки путешественников представляют многочисленный и весьма ценный корпус источников по истории государства и права Центральной Азии XVIII – начала XX в., но чтобы наиболее эффективно использовать их информацию, ее следует тщательно оценивать, проверять и соотносить с другими источниками (в том числе и с вышеупомянутыми «местными» источниками). Именно поэтому наиболее перспективным при их дальнейшем исследовании представляется междисциплинарный подход, сочетающий методы историко-правового и источниковедческого исследования – историко-правовой и формально-юридический, сравнительно-правовой, биографический, контент-анализ и др.

Список литературы

1. Граменицкий Д. Постановления мусульманского законодательства о долях чайриках // Туркестанские ведомости. 1886. №33.
2. Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.
3. Цветков П. Несколько слов о вакуфах // Средняя Азия. 1910. №2. С. 5–22.
4. Абдураимов М.А. Очерк аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI – первой половине XIX в. Ташкент, 1966. Т. 2.
5. Джурабаев Д. Х. К вопросу о формах земельной собственности в Бухарском ханстве во второй половине XVIII в. // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2016. №1 (66). С. 45–52.
6. Шайхова А. Юридические документы как источник по истории социально-экономических (преимущественно аграрных) отношений в Хивинском ханстве в XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1989.
7. Юлдашев М.Ю. Землевладение и государственное устройство феодальной Хивы XIX века в свете материалов архива хивинских ханов : дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1953.
8. Лунев Ю. Ф. Уголовное право в узбекских ханствах XIV – XIX веков // История государства и права. 2009. №2. С. 40–42.
9. Саидов З.А. Исторические особенности действия норм шариата в Бухарском Эмирате (1868–1920 гг.) : дис. ... канд. юр. наук. М., 2006.
10. Sartori P. On Madrasas, Legitimation, and Islamic Revival in 19th-Century Khorezm. Some Preliminary Observations // Eurasian Studies. 2016. Vol. 14. P. 98–134.
11. Махмудов О. «Одичалые французы» Памира. Население Памира и припамирских владений глазами русских военных исследователей // CIAS Discussion Paper. Kyoto University, 2013. №35. P. 47–72.
12. Халфин Н.А. Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 60-х годов XIX века. Ташкент, 1956.
13. Cobbold R. P. Innermost Asia: Travels & Sport in the Pamirs. L., 1900.
14. Краткий дневник, веденный переводчиком Искендером Батыршиным во время похода на Акмечеть. 1853 г. / предисл., подгот. текста, коммент. И.В. Ерофеевой, Б.Т. Жанаева // История Казахстана в документах и материалах. Астана, 2012. Вып. 2. С. 279–372.

15. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. СПб., 1897.
16. Чарыков Н. В. Беглый взгляд на высокую политику / пер. с англ. Л. А. Пуховой. М., 2016.
17. Созина Е. К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // Уральский исторический вестник. 2016. №1 (50). С. 6–15.
18. Почекаев Р. Ю. «Страна бесправия» Д. Н. Логофета как отражение конфликта Военного министерства и МИД России по «Бухарскому вопросу» в начале XX в. // Военно-юридический журнал. 2017. №5. С. 26–30.
19. Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995.
20. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии / пер. с нем. З. Д. Голубевой. М., 2003.
21. Кюгельген А. фон. Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы, 2004.
22. Путешествие в Бухару лейтенанта Ост-Индской компанейской службы Александра Борнса. М., 1848. Ч. 2; М., 1850. Ч. 3.
23. Curzon G. N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. L., 1889.
24. Азизов И. Ш. Д. И. Логофет о налоговой системе Бухарского эмирата в последней четверти XIX – начале XX века: противоречия взглядов и факты // Молодой ученый. 2014. №3 (62). С. 689–692.
25. Левтеева Л. Г. Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках (историография проблемы). Ташкент, 1986.

Об авторе

Роман Юлианович Почекаев – канд. юр. наук, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: ropot@mail.ru

About the author

Dr Roman Pochekaev, Prof., National Research University Higher School of Economics, Russia.

E-mail: ropot@mail.ru